Отзыв
официального оппонента Беловой Ольги Владиславовны
на диссертацию, представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика,
Лазаревой Анны Андреевны «Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы»

Диссертация А.А. Лазаревой «Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы» посвящена текстологическому анализу образцов жанра сновидений; автор полагает своей целью выявление интерпретационных моделей, лежащих в основе рассказов о «вещих» сновидениях, и изучение факторов, влияющих на осмысление сюжета сна.

Научная новизна исследования А. А. Лазаревой состоит в комплексном текстологическом анализе развернутых нарративов о вещих сновидениях, рассмотрению моделей интерпретации сюжетов, отраженных в рассказах о сновидениях; в работе отмечен ярко выраженный в этих нарративах оценочный компонент, что указывает на важное место данного жанра в аксиологической системе традиционной народной культуры. Такой подход к изучению рассказов о сновидениях, их символике и семантике образов, учитывающий не только принципы построения текстов, но и личностное начало в их трансляции и интерпретации, безусловно, значим для развития текстологии фольклора в целом и отдельных жанров фольклорной прозы. В научный оборот вводится обширный полевой материал, собранный автором в 2012—2018 гг. в Полтавской области Украины и извлеченный из архивных коллекций, отражающих широкую географию – от Русского Севера

до Нижней Волги и Краснодарского края в России, центральные и западные регионы Украины, и практически всю Белоруссию (в работу не вошли материалы по Гродненской области, что оставляет автору возможность в дальнейшем расширить ареал исследования). Как отмечает А.А. Лазарева, «цель исследования состоит не в описании локальной традиции, а в выявлении общих для восточнославянской культуры закономерностей, имеющих надрегиональный характер» (с. 10), и этим обусловлен столь широкий охват исследуемых территорий и тот факт, что предметом исследования являются по сути универсальные модели интерпретации развернутых сюжетов сновидений. Однако совсем сбрасывать со счетов особенности региональных фольклорных традиций, связанных с интерпретацией сновидений, не следует – в перспективе именно за счет выявления региональных (локальных, микролокальных) особенностей исследование можно будет развернуть в сторону выявления таких вариантов моделей снотолкования, которые обусловлены этническими, конфессиональными и диалектными факторами (судя по всему, автор имеет в виду эти аспекты, когда формулирует основные перспективные направления дальнейшей работы, см. с. 285).

Для обоснования авторского подхода к исследуемому материалу А.А. Лазарева вводит целый ряд терминов, которыми в дальнейшем оперирует в своей работе. Обратим внимание на два из них (см. с. 6): *толкование (интерпретация) сновидения* и *снотолкование (формула/правило толкования сна, текст «устного сонника»)*. В литературе (на славянских языках) о народных сонниках и снотолкованиях термины *толкование сна/сновидения* и *снотолкование* часто используются как полные синонимы. Поскольку автор исследует именно интерпретационные модели сновидений, было бы правильнее, на наш взгляд первый термин представить именно так *интерпретация сновидения*, избегнув, таким образом, обманчивой синонимии.

В целом диссертационная работа демонстрирует высокий уровень теоретической и методической подготовки диссертанта, умение классифицировать и анализировать эмпирический материал и теоретически его интерпретировать.

Основные положения диссертации отражены в 13 публикациях, из которых 5 входят в список ВАК.

Целый ряд положений диссертации, а также методологические подходы, используемые автором для комплексного текстологического анализа народных рассказов о вещих снах, были представлены в период с 2015 по 2018 г. международных и междисциплинарных конференциях в ведущих научных и учебных центрах Москвы и Санкт-Петербурга.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка, включающего 415 наименований, списка информантов и архивных материалов. Общий объем работы составляет 335 страниц. Следует отметить строгость композиции всей работы, каждая глава которой завершается четко сформулированными выводами; это наглядно демонстрирует логическую связь между составными частями диссертации и показывает ход авторской мысли, последовательно решающей задачи по описанию и трактовке фольклорных текстов и их невербальных контекстов.

В первой главе – «**История изучения традиционного толкования сновидений в славянской культуре»** – подробно рассмотрена история изучения народной традиции толкования сновидений, начиная с первых записей «народных сонников» (конец XIX в.) и заканчивая современными исследованиями снотолкований и рассказов о сновидениях. Среди выделенных автором в ходе исследования аспектов наибольшего внимания заслуживают следующие: проблема соотношения устного и книжного сонника в традиционной культуре, устного сонника как жанра и индивидуальных стратегий толкования сновидений; проблема соотношения типичных сюжетов в рассказах о сновидениях и окказиональных интерпретаций; связь формул толкования снов и нарративах о снах с такими

жанрами фольклора, как приметы, загадки, паремии. Специальный раздел посвящен рассказу о сновидении как фольклорному тексту и критериям его фольклорности (с. 33–39). Подробно рассказав об опыте предшественников в этой области, автор, однако, не формулирует четко, в чем состоит его собственное понимание фольклорности такого рода текстов и какие критерии являются для него предпочтительными. Сакральная мотивировка рассказа и наличие попытки истолковать сон (с. 39) относятся, скорее, к универсалиям, чем к особенностям, поэтому авторское положение о том, что «в работе делается попытка доказать, что даже те рассказы о снах, которые не содержат стереотипических символов, могут строиться в соответствии с фольклорными моделями» (с. 39) требует более развернутого пояснения – если эти тексты не основаны на ментальных или языковых стереотипах, что делает их «фольклорными»? В дальнейшем из текста диссертации становится понятно, что важную роль играет сама структура нарратива, в которой выделяются семантическое ядро и периферийные мотивы, ответственные за «коллективное» и «индивидуальное» / «универсальное» и «окказиональное» в интерпретации конкретных сновидческих образов и символов, а начальные и конечные элементы имеют отчетливо формульный характер; и эту идею следовало бы обозначить в начале работы, именно там, где речь идет о критериях.

Как отмечает автор, малоизученной остается проблема прагматики рассказов о вещих сновидениях и вопрос о том, как представления о правилах толкования снов реализуются в личном нарративе, содержащем индивидуальные образы и смыслы (с. 58–59). Можно полагать, что исходя из сюжетики и образности вещных снов, речь должна идти не только о том, по каким принципам осуществляется выборка деталей сюжета и соотнесение их с некими событиями в реальности; следует принимать во внимание и коммуникативный аспект – кому рассказывается сон, с какой целью. И тогда становится очевидно, что трансляция и интерпретация вещих снов – это и механизм «обучения культуре» (практика поминания, знакомство с

символами языка культуры, передача семейной памяти), и вполне мифологизированный способ закрепления межпоколенческой связи (предсказания умерших родственников как «школа жизни», наличие снов как доказательство постоянной духовной связи с предками). Поскольку значительный пласт материалов, рассматриваемых в работе, связан с украинской фольклорной традицией, обратим внимание автора на еще одну работу, которая может быть интересна при дальнейшем исследовании темы: Шевчук Т., Ставицька Я. Українська усна снотлумачна традиція початку XX ст. (розвідки та тексти) (Київ, «Дуліби», 2017. 223 с.).

Вторая глава «**Семиотизация образа действительности в сновидениях»** посвящена мифологизации пространства в народных толкованиях снов; в ней рассмотрены модели толкования сновидений, в центре сюжета которых – образы-проекции объектов материального мира и точек пространства. Особое внимание уделяется отраженным в рассказах о сновидениях метаморфозам материальных объектов и символическим действиям с ними, трансформации знакомых локусов. Восприятие и описание пространства как символа населяющих его людей и как способа визуализации жизненного пути оказывается в целом созвучно антропоцентрической картине мира, отраженной в других жанрах фольклора (от этиологических легенд до примет).

В третьей главе – «**Реализация фольклорной модели в индивидуальных нарративах»** – антропоцентричная модель (воплощенная в языке культуры и в образах фольклора) снова оказывается в центре внимания автора, поскольку объектом анализа становятся соматические метафоры (где в качестве делимого на части объекта обычно выступает тело сновидца). В данном контексте интересным представляется сходство мотивов снотолкований с мотивами этиологических (антропогонических) легенд; и хотя знакомство рассказчика с корпусом этиологических сюжетов нигде не эксплицируется (более того, значительная часть интерпретаций относится к категории уникальных или окказиональных – удачной представляется

предложенная автором схема-иллюстрация на с. 155–156), само по себе показательно, что в качестве символов выступают такие значимые для антропогонических мифов элементы, как зубы, волосы, глаза, конечности.

В четвертой главе – «**Толкование эмоций и ощущений сновидца»** – анализируются толкования эмоций и физических ощущений, испытанных сновидцем, и показана зависимость интерпретации сна (буквальной либо противоположной) от сюжета сновидения. Как показывает материал, палитра звуков и ощущений (вкусовых, обонятельных, тактильных и др.) в сновидениях достаточно богата. Но, как справедливо замечает автор, «в нарративе о вещем сне образ может быть значим не сам по себе, а в рамках развернутого сюжета – «приятного» или «неприятного» для сновидца» (с. 239), и интерпретируются не столько эмоции, сколько выражающие их действия: плач, смех, танцы, пение (с. 238; ср. интерпретации вкуса и запаха, которые, по сути, являются толкованиями характеристик увиденных во сне образов (чаще всего – пищи) – с. 225–226, 228).

В пятой главе – «**Общие модели интерпретации сюжетов сновидений и “реальных событий” в мифологических нарративах»** – рассмотрены нарративы о сновидениях, структура и образно-мотивное наполнение которых близки к мифологическим рассказам. Выявляются общие интерпретационные и текстопорождающие модели для обеих групп текстов. Отметим, что автор проявил в данном случае нетривиальный подход к материалу, избрав объектом анализа тексты, где в качестве «базовых» персонажей выступают не люди (живые или умершие), а животные – которые, в свою очередь, занимают на символической шкале фольклорных образов не последнее место (лошадь/конь, лягушка, [белый] медведь). Таким образом, появляется возможность сравнить образы из сновидений с мифологическими персонажами, ведь в быличках, поверьях и этиологических легендах конь – это ипостась нечистой силы (черта), лягушка – превращенная девочка/девушка или лягушки это «бывалошние люди», а медведь – оборотень. Можно проследить сходство и на уровне текста:

общность мифологических нарративов и рассказов о сновидениях наглядно показана автором (с. 255–256).

В связи с образом огромной жабы, проглатывающей человека (что при интерпретации сновидения трактуется как предвестие смерти) (с. 265–266 и сл.), А.А. Лазарева приводит в качестве параллели рассказы о посвящении в колдуны (с. 267–268), где фигурирует такое же демоническое существо. В копилку возможных символических значений мы можем предложить еще один пример – спорадически встречающееся карпатское представление об огромной жабе как материализованной неупокоенной душе. Корни этого представления, скорее всего, инославянские; ср. легенду о том, как основоположник хасидизма Бааль-Шем-Тов (Бешт), практиковавший в Прикарпатье, однажды встретил огромную жабу, это был *гилгул*, т.е. воплощение души грешника, вынужденной пребывать в теле жабы до того момента, пока праведник или «святой» не освободит ее – см.: Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову] (М., 2010), № 14).

По поводу рассмотренных в этой главе сюжетов отметим, что все-таки «ассортимент» снов сильно зависит от культурного багажа личности. Не всякому и не всегда снятся кони, лягушки и сюжетные сны с их участием. И здесь мы вплотную подходим к проблеме взаимоотношений рассказчика и текста, сновидца и сновидения. С одной стороны, интерпретация сновидения опирается на «личный опыт» сновидца и рассказчика (см. анализ нарратива о белом медведе – с. 271–274) и потому степень индивидуальных нарративных ходов тут больше, чем при пересказе сюжетов тех же быличек. С другой стороны, хотя каждое сновидение по своей природе индивидуально, его образы черпаются из окружающей человека культурной среды (с. 261) и истолковываются они рассказчиками не произвольно, но при помощи закрепленных в традиции интерпретационных моделей (автор приводит в качестве параллелей модели, в соответствии с которыми строятся гадания, приметы, запреты, ритуальные действия, а также сказки и мифологические рассказы). Приводя высказывание Б.А. Успенского о том, что стереотипные

образы возникают не столько в самих снах, сколько в процессе их пересказа и осмысления, автор специально оговаривает, что в настоящей работе этот вопрос (обусловлено ли сходство сюжетов сновидений с фольклорными рассказами тем, что подобные образы людям снятся, либо же тем, что носители традиции так описывают сон) не поднимается (с. 261). Однако именно такой поворот мог бы быть интересен в дальнейшем исследовании нарративных стратегий, использующихся при передаче фольклорной сновидческой информации.

К перечисленным перспективным направлениям, связанным с темой исследования (с. 285), можно добавить составление сводного указателя основных интерпретационных моделей сновидений и их составных элементов – такой указатель был бы крайне полезен для практической работы по изучению структуры фольклорных текстов, описывающих иномирное пространство сна.

Два замечания касаются технических деталей, которые, тем не менее, важны для восприятия текста. Первое: в автореферате при описании структуры работы не указываются названия глав, хотя они дают представление о предмете и проблематике данной главы, а также о методологии, применяемой автором в процессе трактовки фактов народной культуры и анализа фольклорных нарративов. Второе замечание – по библиографии к работе: в позициях 20–26, 304–321 нарушен алфавитный порядок.

Диссертационное сочинение А.А. Лазаревой представляет собой самостоятельное и завершенное исследование, посвященное решению важной научной проблемы, направленной на лучшее понимание роли и места «сновидения» (как жанра) и его интерпретаций (выраженных в текстах особой структуры и композиции) в фольклорной картине мира восточнославянских народов. В диссертации применяются актуальные научные методы, соответствующие изучаемому материалу и

демонстрирующие исследовательские навыки соискательницы. Содержание автореферата и опубликованных работ отвечает тексту диссертации.

Диссертация А.А. Лазаревой «Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы» соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации Лазарева Анна Андреевна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Белова Ольга Владиславовна,
доктор филологических наук (шифр специальности 10.02.03),
ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора
ФГБУН Институт славяноведения РАН
(119991, г. Москва, Ленинский пр., д. 32 А
тел.: (495) 938-17-80, e-mail: inslav@inslav.ru
сайт www.inslav.ru)

ВЕРНО:
Заведующая кадрами
"27" ноября 2018 г.